

18+ эльвира еникеева

Я СЖИГАЮ

ОКЕАН

Эльвира Рамилевна Еникеева

Я сжигаю океан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73871015

ISBN 9785006973657

Аннотация

Горничная Анна становится женой ловеласа Виконта. Сиротка Бетти попадает в дом богатых родственников посреди леса. Красавица Мария с сыном и мужем находит таинственный городок. Успешная ученая-арахнолог выходит за другого гениального ученого. Со стороны кажется, что им страшно повезло, хотя каждая из них мечтала о другом. Только воплотить мечты сложно – как сжечь океан.

Обычно сказки на этом и заканчиваются – и не так важно, с чего они начались...

Но это у тех, кто боится потерять спички.

Содержание

Пух на паутине	5
1	7
2	16
Я сжигаю океан	31
0	31
1	35
2	42
3	47
КРЫСА	51
1	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Я сжигаю океан

Эльвира Рамилевна Еникеева

Иллюстратор Эльвира Рамилевна Еникеева

© Эльвира Рамилевна Еникеева, 2026

© Эльвира Рамилевна Еникеева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-7365-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пух на паутине

да и сердце у него колотилось безумно и да я сказала да я хочу Да.

Джеймс Джойс «Улисс»

И всё же, что такое огонь? Тайна. Загадка! Ученые что-то лепечут о трении и молекулах, но, в сущности, они ничего не знают. А главная прелесть огня в том, что он уничтожает ответственность и последствия.

Рэй Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

Если б можно было собрать всех пауков в одном месте, в этом месте не осталось бы пауков.

Если б можно было собрать пух, развеянный по ветру, получилась бы такая история.

1

– Послушай, – сказал Он, позвонив Ей в половине шестого. Он стоял у окна, держа телефон в одной руке, чашку кофе – в другой и смотря на свое отражение на фоне города. Или город на фоне отражения. – Мне нужно кое-что забрать из дома. Передай мне ключи через...

– Мне самой надо как раз забрать кое-что, – ответила Она буднично, кажется, шурша какими-то бумагами. – Давай встретимся минут через двадцать, зайдем вместе, ты же не против?

Он сказал:

– Да, если тебе так удобно. – И положил трубку.

***

Сначала их было двое – Он и Она, как два паука, и однажды они обменялись кольцами и купили общий дом, как общую банку.

Он хотел дом, в котором будут панорамные окна и высокие потолки и минимум два этажа. Она мечтала о доме, где хотя бы одну комнату можно занять террариумами. В Ее старой квартире помещался всего один, совсем крошечный, с пушистым черным тарантулом, которого Она кормила тараканами с руки, и еще другой, чуть побольше – со скорпионом.

Она, как ни прискорбно, была арахнологом и энтомологом.

Он терпеть не мог Ее пауков, и скорпионов, и любых тварей, у которых больше четырех конечностей. Но из любви к Ней даже заказал втридорога громадные террариумы для Ее новых любимцев. Птицеедов им подарили на свадьбу.

– Тебе, – поправлял Он. – Их подарили тебе.

– Не дури, конечно, нам, – спорила Она с улыбкой. – Смотри, какие наши новые детки трогательные! Ну смотри...

Она называла эту гадость своими «детками» и любила над ними ворковать после работы, постукивая пальцами по стеклу или вытаскивая пауков и позволяя гулять по себе:

– Смотри, мой малыш хочет порезвиться! О, а у моей детки скоро линька, гляди!

Она часами могла болтать о своих драгоценных тварях и очень злилась, когда Он украдкой зевал и не хотел слушать. Зато Она умела слушать, как никто – если Он делился идеей новой разработки, показывал микросхемы для изобретенного им сейфа или жаловался на сложности с продажей очередного патента, Она ловила каждое слово и помнила все, до малейшего междометия. Хотя ничего в этом не понимала.

Она называла Его гением и иногда говорила:

– Нам нужна охранная система, чтобы воры не украли твои разработки!

Он отшучивался: кому такое в голову взбредет!..

Она совершенно не умела готовить, но варила Ему лучший в мире кофе. Она кормила Его пиццей и пельменями из пакета, как паука тараканами.

Он очень терпеливо объяснял ей, как пользоваться вакуумом.

Это была Его новейшая разработка, чудо-изобретение, на которое Он выиграл бешеный грант.

– Вы замечали, – говорил Он на презентации перед тысячной аудиторией, но глядя в упор на Нее, сидящую в первом ряду, – как много вещей мы теряем, хотя ими не пользуемся? Покупаем новенькие туфли, но из экономии донашиваем старые, а новые стоят на полке, стоят... А когда, наконец, пригождаются, оказывается, что кожа уже ни к черту. Или, например, старая шуба, висящая в шкафу – сколько раз вы ее наденете, прежде чем ее изъест моль? А украшения, которые мы оставляем где-то на полочке, толком не надеванные – но они чернеют! – Он выдержал эффектную паузу, которую репетировал с ней два дня. – А теперь представьте, что есть особый сейф, герметичный шкаф, куда можно сложить то, что не должно терять вид. В нем нет воздуха. Вы складываете вещи, закрываете дверь, ставите пароль, и через специальный отсек изнутри выходит весь воздух. Внутри остается абсолютный вакуум.

Первый экземпляр так и остался у них дома. Второй отправился в качестве образца по выставкам. Она этой штукой не пользовалась, хотя изначально шкаф делался для Ее кол-

лекции сумочек, у которых в шкафах линяла кожа. Она была невозможная транжира: покупала туфли и сумки и толком не носила, они лежали и портились, как гниющие овощи. Его это бесило. После долгих уговоров Она перенесла в вакуум кучу вещей, но больше их оттуда не доставала. Говорила, мол, сложно открывать каждый раз.

Она была такая непрактичная. Сумки, туфли, потом еще эти дурацкие ремни для платьев – зачем вообще ремень на платье, это же не штаны, черт возьми! И дорогие корма для пауков, сухие тараканы (что за гадость), еще какая-то дрянь.

– Я покупаю это за свой счет, – замечала Она, когда Он выговаривал Ей. – Да и в вакууме ты тоже хранишь то старое пальто, которое чуть не побил моль. Давно пора выкинуть... – И была права. Отчего Он злился еще больше.

Однажды Они смотрели в гостиной телевизор, и Она вдруг сказала, задрвав голову:

– Милый, не злись, пожалуйста. Мой птицеедик гуляет по потолку...

Он с ужасом уставился в потолок, увидев жирного, волосатого паука, похожего на белом фоне на черно-рыжую кляксу. Паук то перебирал лапами, двигаясь вперед, то замирал.

Он заорал:

– Ты что, его выпустила?

– Может, я неплотно закрыла террариум... – виновато ответила Она и улыбнулась. – Ничего, пусть погуляет. Я потом

его отловлю и верну...

– Как?! Как ты его отловишь? – вскочил Он. – О господи, паук! Паук шастает по дому! А если и другие выберутся?! Он хоть не ядовитый?

– Ты никогда меня не слушаешь, – устало ответила Она. – Ядовитый, конечно. Но не волнуйся, от птицеведов не умирают. Максимум будет отек. И птицеведы не нападают первыми, просто не пугай его...

– Его?! – опешил Он. – Меня! Он пугает меня! Поймай его! Поймай, черт подери!

Он принес из кладовки швабру и попробовал сбить паука с потолка черенком. Она завизжала:

– А ну прекрати! Какого черта ты творишь, мерзавец?!

Она встала, принесла белые перчатки, надела, поставила стремянку посреди комнаты, спокойно забралась на самый верх и протянула ладони:

– Не бойся, папочка не тронет. Иди к мамочке.

И паук послушно переполз к Ней на руки. Она сошла на пол, укоризненно посмотрела на мужа и вернула чудовище в террариум.

Он плохо спал той ночью. Ему снились пауки, всюду эти чертовы твари...

Он параноически осматривал углы каждой комнаты в доме – ежедневно, а еще спрашивал Ее:

– Ты точно закрыла террариумы? Ты проверяла?

Ее это злило. Они стали ссориться.

В один прекрасный день Она взяла одеяло и подушку и заявила, что «ночует с детками». И на полном серьезе постелила себе в комнате с террариумами прямо на полу. Там и осталась на все следующие ночи. Потом купила террариум на половину комнаты размером, в который могла залезать, когда хотела, приставив лесенку и открыв дверцу на крышке. Спала там, в одном домике с пауком, свернувшись калачиком. Паук иногда ползал по Ней, но чаще смирно спал, устроившись у Нее на боку или голове.

Он хотел извиниться, но так и не извинился.

А потом на работе молодая и красивая Секретарша заметила, какие у него под глазами круги, и спросила, как Он спит. И Его понесло. Он за час, подкрепляемый жидким офисным кофе и сочувственными кивками, выложил все, что думает об этой паучьей «мамочке», об этой дряни, безответственной, об этой...

– Вот бедняжка, – сказала Секретарша. – Давай я вечером, после работы, дам успокаивающий настой. У меня в запасе куча трав...

Оказалось, Секретарша сушила не только травы, но и грибы, и варила варенье из ягод, и отлично готовила, а ее муж работал вахтами по полгода. В квартире была только его большая фотография в красной куртке.

Сначала Он бывал у Секретарши по часу-два, потом по три-четыре, все больше опаздывая домой, а однажды и вообще не приехал ночевать.

Когда Он вернулся, дверь была заперта, а ключ не подходил. Его это удивило. Он обошел дом кругом и увидел на двери на заднем дворе записку:

«Я подала на развод, все твои вещи переслала Ей. Замки сменила. Дом остается за мной, через суд получишь денежную компенсацию за свою долю»

Он не стал даже думать, кто ей донес.

Секретарше через день привезли несколько чемоданов Его вещей – все аккуратно упаковано, от одежды до зубной щетки, и все Его бумаги, и деньги, все-все. Кроме того дурацкого пальто, оставленного в вакууме. Но Он посчитал слишком мелочным просить Ее и об этом.

Ни на один суд Она не явилась, но через адвоката согласилась на выплату денежной компенсации за Его часть дома. Ее сторона аргументировала это тем, что целая комната в доме отдана Ее террариумам, и Она не хочет переселять пауков, для них это стресс.

Зато Его Она переселила к любовнице без проблем.

Он зажил у Секретарши. Она не ворковала над пауками (по правде, Она их боялась и визжала, увидев парочку в чулане с сухой травой), готовила ужины и обеды, хоть и не умела варить вкусный кофе.

Поначалу было неплохо, но потом Он понял, что чего-то недостает. Она не слушала про Его исследования. Она не позволила ставить вакуум или другое приспособление Его авторства в квартире, а сам вакуум назвала «дорогим

холодильником». У нее была всего одна сумка, уродливая и неубиваемая. В грантах ее интересовала сумма выделенных средств. Она все покупала за Его счет и злилась, если Он на что-то не давал.

А в общем Секретарша была неплохая, как бабочка-однодневка после паучихи.

Через полгода ее муж отчего-то не вернулся, от него не было ни ответа – ни привета, но Она не горевала, даже наоборот.

– Только без развода от него мы же с тобой не поженимся... – бормотала она, но и тут не слишком убивалась. Жила как жила. Год, полтора. Ее мужа признали пропавшим без вести на третий год.

Он тоже не убивался, пока не увидел Секретаршу с другим коллегой. Тот ее подвозил, и она поцеловала коллегу в щеку, а потом – в губы. Внутри все оборвалось, как паутина.

Он подумал о бывшей жене: и как Ей хватило сил уйти молча, но хлопнув дверью так, что стекла задрожали? У него этих сил не было, но и сказать «Ты мне изменяла» Он не смог. Зато, как дурак, как мальчишка, пошел и напился.

Позже, вечером, Он просто сообщил Секретарше:

– Мне надо будет уехать на конференцию, а там, может быть, оставят работать в их центре... Я тебе позвоню, когда можно будет приехать.

Но тон Его говорил: больше я никогда не позвоню.

Она поняла, но, как всегда, не горевала. Однако сумела-таки ему отомстить – за пару часов до самолета прожгла ему насквозь пальто утюгом, якобы случайно. А стоял ноябрь. У него не было другого пальто по погоде, а зимняя куртка была слишком теплая.

Вот, почему в половине шестого, Он позвонил бывшей жене и сказал:

– Послушай. Мне нужно кое-что забрать из дома.

2

– Привет, – сказала Она, когда Он вышел из машины.

Он опоздал на две минуты. Пришлось ехать в зимней куртке, а осеннее пальто с дырой от утюга оставить в квартире.

Ее машина стояла неподалеку. Она ждала у двери, не заходила – в красном плаще, не по погоде тонком, и с очередной яркой сумочкой. Волосы отрастила немного, купила новые очки. Свитер старый, сапожки такие Он не помнил, но – черт знает, может, и были.

Знаешь, хотел сказать Он, мы расстались. Знаешь, она была очень даже ничего, и я, знаешь, не вспоминал о тебе так чтоб прям каждый день, но чего-то в ней, знаешь, не хватало. Нет, не так – после тебя уже ни одна не дотянет, ты, эгоистка, задрала мне планку так, что я уже никогда не смогу быть счастлив, я застрял в твоей паутине. А ты, хотел сказать Он, а ты-то как, у тебя-то появился кто-то, ты, ты, паучиха, нашла себе новую жертву? Знаешь, укажи мне его, укажи, и я, знаешь, пойду и убью и его тебе назло, потому что я так скучал...

Но не сказал.

– Привет, – ответил Он.

– Готов? – спросила Она, будто зайти в дом значило начать марафон, и сунула ключ в замочную скважину.

Раздался щелчок, Она толкнула дверь и первая шагнула за порог.

– Чем так пахнет? – скривился он, зажимая нос. В воздухе стоял тяжелый, застарелый запах гнили, плесени и еще чего-то, похожего на гниющий жир.

– Не включай свет, – сразу попросила Она. – Давай лучше... Ой! Гляди.

Она замерла в прямоугольнике света от окна. Он моргнул.

– Что?

Она указала на белую напольную вазу в углу комнаты:

– По... Смо...

– Что? – прищурился Он, пытаясь хоть что-то разглядеть в полумраке. – Подожди, я включу свет...

– Нет, не надо! – вскрикнула Она. – Приглядиись, не видишь, что ли? Эту вазу сдвинули.

Она подошла к вазе вплотную, стуча каблуками, и подвинула влево:

– Вот так она стояла, когда я уходила три года назад...

– То есть ты не возвращалось сюда?.. – растерялся Он, но Она отмахнулась:

– Конечно же, нет, не перебивай... Вот так она стояла. А стоит, будто кто-то шел вот так... – Она прошла мимо вазы, задев ее, чуть не уронив и поставив на другое место. – И вот так, вот так ее переставил! Неужели не видишь, угол другой?

Он тихо уточнил:

– То есть кто-то был здесь без нас?

– Да-а... – закивала Она и тут же вспыхнула: – Говорила тебе: сделай нормальную охранную систему! Но нет, конечно же, приходится все ставить самой!

– Ты поставила охранную систему? – удивился Он.

– Ну конечно, – закатила глаза Она. – И очень, очень качественную... Пойдем выпьем, а?

– Я тороплюсь. Я только заберу вещи... – начал Он, но Она вспыхнула:

– А что, у тебя что-то осталось? Я все собрала, до последнего листика.

– В вакууме пальто мое висит, – ответил Он, чувствуя себя круглым дураком. Она застыла и повторила:

– В вакууме?

– Да. Я заберу только пальто, а вакуум оставляю тебе, – поспешно сказал Он, и Она усмехнулась:

– Ах, ты не меняешься! – Она приложила палец к губам: – Проверим, как работает моя охранная система.

– Воры? – еле слышно спросил Он.

– Тише, – повторила Она и медленно пошла вверх по лестнице. Он поймал Ее за руку:

– Нет, не ходи... Я вызову полицию...

– Не вздумай! Трусишь? Ну сиди тут.

На лестнице застучали каблуки. Он не выдержал и щелкнул выключателем.

По углам серой от пыли гостиной свисали обрывки пау-

тины, сероватватые нити угадывались у плитусов. Обои все были в крошечных черных точках и плесени. По углам валялись скукоженные трупки пауков с согнутыми внутрь лапками.

Он зашелся в кашле и отшатнулся. До него еще не дошло, что Она сделала, но он собрал волю в кулак и пошел туда, где были Ее террариумы.

Он долго стоял на пороге и тупо смотрел на рассыпанные по полу осколки стекла и все эти наполнители от террариумов – субстраты, декорации и прочее, рассыпанное по комнате в беспорядке. Все покрывала старая хрупкая паутина. На той подушке, что Она брала, когда «спала с детками», темнели мертвые паучьи яйца.

Уезжая, Она разбила все свои террариумы. И Ее детки за три года перемерли.

– Эй! Где ты? – весело позвала Она откуда-то сверху. – Я нашла вора, представляешь?

– Что? – отозвался Он, и Она помахала с лестницы:

– Иди сюда! Мои детки убили вора!

– Твои... детки... – повторил Он и вдруг заорал: – Твои детки?! Ты разбила все террариумы! Ты все разбила!

– Ты кричишь, – сообщила Она, свешиваясь с балюстрады. – Я не глухая.

– Ты... Ты...

– Я потому и просила тебя не заходить, – объяснила Она таким тоном, будто ему пять лет. – Я запаковала все твои ве-

щи и переслала, чтоб ты не зашел сюда и не умер ненароком.

– Ненароком... – сипло произнес Он, и Она нетерпеливо отмахнулась:

– Без еды и воды пауки прожили максимум полгода. Максимум, еще и питаюсь друг другом! Сейчас тут безопасно... Ты не мог бы подняться, я покажу тебе вора?

Он, уже ничего не понимая, медленно, как старик, поднялся по лестнице, не касаясь перил. Она продолжала щебетать, стоя сверху:

– Я была так зла, понимаешь? Так зла! Мне хотелось все крушить, ломать, бить! И тут я вспомнила, что говорят про дурные поступки – про всякие грехи, измены, оскорбления и тому подобное. Что это как пух... – Она сделала неопределенный жест рукой. – Ну, знаешь, что поступки – это как пух из разодранной подушки. Пух разносит ветром, и даже если подшить подушку, пух не соберешь. То есть отношения прежними не станут. Я сразу подумала о нас с тобой. О тебе и обо мне.

Он добрался до конца лестницы. Она серьезно заметила:

– Ты разодрал нашу подушку. Пух разлетелся.

Он молчал. Она облизнула губы и скрестила на груди руки:

– Да. Разлетелся. И я... Знаешь, я хотела показать тебе, что это такое. Что чувствуешь, когда тебя вспарывают, и все твое нутро разлетается... – Она тронула пальцем нитку паутины в углу, и та рассыпалась от прикосновения. – И я ре-

шила, что вместо пуха показательнее пауки. Пауки разбрелись по дому, их было не собрать. Я всерьез надеялась, что ты войдешь, увидишь этот дом, превращенный в террариум, и ужаснешься. Может, тебя вывернет. Может, тебя укусят, и ты тут сгниешь. Ты ведь заслужил.

Он уставился на Ее светлую, невинную улыбку, и почему-то думал, что Она в чем-то права. А еще – что у Секретарши бы на такое духу не хватило.

– Но потом, – продолжала Она, – я раздумала. Не знаю, почему. Просто расхотелось, чтоб ты умирал. Подушку-то все равно не сошьешь обратно, что толку, если пух забьет тебе горло?

Она взяла Его за руку и потянула в спальню, в их спальню под скошенным потолком, с большим мансардным окном. Это была Ее идея – сделать спальню на мансарде, ближе к небу.

Она не включала свет. В полумраке у покрытой пылью кровати лежало что-то темное. Он осторожно подошел, тронул это что-то кончиком ботинка и отступил, поняв, что это сгнивший труп, уже почти скелет.

Узнать, кто это, было невозможно, но куртка еще не истлела. Красная куртка, как на фотографии в доме Секретарши.

Она продолжала говорить где-то на фоне:

– Вор, видно, не смог взломать двери, но пробрался на крышу и открыл окно, а потом, зайдя, его закрыл... Судя

по всему, его укусил какой-то каракурт, черная вдова, кто-то такой, я так думаю... Видимо, здесь у деток было гнездо, а он задел... У него была асфиксия от укуса, и он тут умер. И, по-моему, в его теле откладывали яйца. Я не присматривалась, но мне так кажется. Согласись, хорошая вышла система безопасности?

Он стоял молча, краем сознания думая: господи, почему я не умею, как Она, так весело говорить о том, как мерзкие восьмипалые твари откладывали яйца в свежий труп, да еще и шутить об этом?

Ну конечно, Она же не знает, что это не вор. Этот человек пришел мстить любовнику своей жены. А Ее пауки его убили.

– Что же нам теперь делать? – тихо спросил Он. Она поморгала:

– В каком смысле? Ты же хотел забрать пальто из вакуума. Я тоже заберу кое-что оттуда. Он же герметичен, так? Значит, там ни пыли, ни паучьих останков, ничего. Будто никакого пуха и не было, а подушка цела.

Он различил в темноте запыленную фотографию на тумбочке. Она была в белом платье, а Он в черном костюме. Она, помнится, еще шутила: как самка и самец цветочного паука.

Он на автомате, как робот, спустился за ней на первый этаж. И сам открыл вакуум.

На него дохнуло холодным воздухом, как из морозиль-

ной камеры. По обе стороны длинного коридора, похожего на гардеробную, висели на вешалках наряды – ее платья, пальто и плащи, но большей частью – ремешки всех цветов радуги, по две штуки на одну вешалку. Полки были завалены бесчисленными туфлями и сумками, которые валялись в беспорядке – не как в магазине, а как на разоренном складе.

Ни пылинки. Кожа и ткани были совершенно новые, будто все только пошито, не то что куплено.

Она прошла вперед, сама достала вешалку с Его серым пальто и протянула Ему.

Он машинально взял и спросил:

– А что ты хотела забрать?..

– О... – протянула Она и стала озираться, явно придумывая на ходу. – Понятия не имею. Понимаешь, в детстве мы часто играли в такое с подругами.

– В какое? – не понял Он.

– Ну, представить, что ты уезжаешь куда-то насовсем и можешь забрать только то, что унесешь в руках. И ты должен выбрать, что взять...

Она задумчиво прошла по вакууму туда-сюда. Он стоял с пальто в руках, думая, что так долго оставлять вакуум открытым небезопасно – воздух уже стал затхлым, и если его сейчас закрыть, эта вонь тут и останется. Вакуум уже негерметичен – его надо очищать и закупоривать заново.

– Решай побыстрее, – велел Он и только тут подумал, а что, собственно, значит ее «насовсем»?

– Да-да, сейчас.

Она пощупала пару неоновых-ярких сумок, стоивших целое состояние, взяла в руки одну туфлю, покрутила в руках, отбросила...

А до Него медленно доходило, что, должно быть, в вакууме остались практически все ее вещи, и она, уезжая, их не забрала. Надо было дожидаться, пока пауки перемрут, но Она, даже дождавшись, ждала Его. Вот, почему на Ней старый свитерок, шелковый шарфик и новый плащ. Она надела, уезжая, что было под рукой – а уж потом накупила нового.

– Где ты сейчас живешь? – спросил Он, пока Она разгля-

дывала пару изящных красных сапожек.

– Я? Я купила чудесную квартирку, где целую комнату определила для разведения деток, но не таких, а других. Я теперь выращиваю бабочек, знаешь, экзотичных? Я активно работаю над научным трудом про ядовитых бабочек. Мне заказали о них книгу, и еще я опубликовала парочку статей про укусы бабочек-монархов, которые имели поразительный успех...

– Бабочки? Но ты же обожала пауков!

Она отодвинула сапожки и взяла в руки круглый минодьер, усыпанный блестками:

– Да. Пауки хороши, но мне не хватает крыльев, понимаешь?

Он промолчал. Разводи ты дома, пока мы были женаты, бабочек, а не пауков, подумал Он, мы бы меньше ссорились.

Словно прочитав Его мысли, Она заявила:

– Если мне придется вспарывать подушку, пух должен разлетаться легко, а не ползать. В этом все дело.

– Тебе надо переоборудовать этот дом под бабочек, – выдал ОН. – Надо вычистить все, я дам тебе контакты хорошей клининговой службы. Никаких пауков, никакой паутины. Сможешь разводить на мансарде, а спальню сделаешь себе в... Ах да, там же труп. Надо сперва сооб...

– А чем был занят ты? – перебила Она.

Он и сам не заметил, как стал рассказывать обо всем. Не о Секретарше, нет, а о работе. Вакуумы запущены в мас-

совое производство, патент купили за бешеные деньги. Год назад Он блистал на конференции, где Ему аплодировали стоя. Сейчас занимается разработкой...

Она слушала, не перебивая, и все брала с полки какую-то вещь или снимала что-то с вешалки, крутила в руках и возвращала на место. И все-таки Он знал, что слушает Она очень внимательно.

Наконец, Она стащила с верхней полки небольшую лаковую сумочку, ярко-красную, как ее плащ. И кивнула:

– Вот, что я возьму. У тебя нет зажигалки?

– Ты теперь куришь?

– Нет-нет. Ничего такого.

Она села на корточки и достала снизу, из нижнего ящика, канистру бензина:

– Помоги, пожалуйста.

– Зачем? – не понял Он, но нагнулся и помог вытащить еще одну. – Что это? Зачем ты это тут хранила?

– Я это сюда притащила перед уездом. До того, как бить террариумы – просто на всякий случай. Понимаешь, я подумала: твои вакуумы создают чудесную среду, бензин тут будет храниться так же долго, как кожа и ткань. Вообще-то срок хранения около полутора лет, но, думаю, этот еще свежий. Проверим, загорится ли?

– Что загорится? – растерялся Он. Она рассмеялась:

– Дурак! Дом, конечно.

Он непонимающе смотрел, как она, выйдя из вакуума,

спокойно откручивает крышку и выливает прозрачную коричневую жидкость на диван и ковер гостиной.

– Ты... Ты что делаешь?..

– Помоги мне, – попросила Она, поправляя сумку на плече. – Надо еще плеснуть на лесенку и вон там, с той стороны.

Он так и стоял с канистрой в одной руке и с пальто – в другой, и Она нетерпеливо воскликнула:

– Это мой дом, я хочу его сжечь. Я имею право его сжечь, черт возьми! Я хочу кремировать того вора и своих деток! Я не позволю какому-то клинингу сметать их, как мусор!

Она больше не говорила «наших».

Он молча подчинился. Часа полтора, до темноты, они вдвоем молча поливали бензином всю мебель, все углы – оказалось, Она спрятала в вакууме канистр десять. Под конец Он весь вспотел, Она тоже выдохлась и изредка обмахивалась концом шарфика.

Потом, когда они стояли плечом к плечу, Она щелкнула Его зажигалкой и сказала весело:

– Ну вот, теперь – если загорится сразу, значит, твои вакуумы годны не только для тряпок!

Бензин загорелся сразу.

Они долго стояли в нескольких метрах от дома, привалившись к Ее машине, и смотрели, как дом охватывает ослепительно яркое, как крылья тысяч рыжих бабочек, пламя. Она блаженно улыбалась. Он молчал. Ему было уже плевать, что Он опоздал на самолет – Он и про самолет-то вспомнил толь-

ко что. Он смотрел на этот живой горящий факел в черноте ночи и думал, что это лучшее, что было в их с Ней жизни.

– Там горят наши детки, – зачем-то ляпнул Он, и Она мотнула головой:

– Нет. Нет-нет, наши... Наши не там, наши, должно быть... – Она полезла в красную сумочку, достала из кармана плаща фонарик и стала лихорадочно светить внутрь сумки.

– Что ты делаешь? – спросил Он, и Она раздосадованно отозвалась:

– Твой вакуум еще недоработан.

– Почему?

– В этой сумочке три десятка яиц бражника «Мертвая голова». Я как раз их купила и собиралась тебе сообщить, что плюю на пауков и перехожу на бабочек. Ты же боялся пауков, а бабочки, ну... Думала, ты обрадуешься, а тут звонит какая-то твоя коллега... В тот же день. – Она устало махнула рукой и закрыла сумочку. – Я еще решила: если оставлю эти яйца в твоём вакууме, а они выживут, то все еще у нас с тобой будет... – Она светло ему улыбнулась. – Они умерли. Все. Твой вакуум недоработан.

Он подумал: в тот же день. Он подумал: если они выживут. Он подумал: умерли, все. Он подумал: мы никогда больше не будем стоять вот так рядом, это последний раз.

– Не печалься, – сказала Она. – Даже если б пауки были живы, дом пришлось бы сжечь. Как раз потому, что они жи-

вы. В этом доме уже нельзя было бы жить. Пух не соберешь, понимаешь?

Ветер нес запах гари и копоти. Огонь бросал на ее лицо восхитительно-желтые отблески.

***

Сначала их было двое – Он и Она, как две бабочки, которых поймали на лугу и посадили в одну банку. А потом они сами сожгли этот дом и улетели в разные стороны.

Если б можно было собрать прах пауков, развеянный по ветру, и превратить его в живых бабочек, получилась бы такая история.

Я сжигаю океан

«Я могу сжечь океан своим пламенем», сказал Агни, бог огня. «Я могу сдуть горы порывами штормового ветра» – сказал Вайю, бог воздуха. И Индра, царь богов, повелитель молнии, сказал: «Я могу сокрушить всех демонов своим оружием, ваджрой».

Дэватт Паттанаик «Шива»

Я не знаю своего собственного сердца, если оно не совсем свободно.

Самуэл Ричардсон «Кларисса, или История молодой леди»

0

Май в тот год выдался жарким и душным. Санитарки Дома Успокоения то и дело доставали из широких карманов белых платьев платки, чтобы отереть со лба и шеи пот. В здании было жарко, но невыносимее всего было идти утром на работу, преодолевая под палящим солнцем почти три тысячи футов по холму пешком. Все завидовали, тайно или не очень, более удачливым коллегам, которые получили на эту душливую пору отпуск.

Дом Успокоения возвышался на холме, отделенный от ми-

ра кованой оградой. Стены Дома были из красного кирпича, потемневшего от времени. Высокие узкие окна, похожие на бойницы, выходили на цветущие яблони в дальнем саду. Белые лепестки осыпались на землю, как снег. Это навевало на душу некий покой, смутное успокоение – как напоминание, что рано или поздно наступит блаженная зима.

Внутри царил покой иного порядка. Бесконечные коридоры, выложенные тусклой метлахской плиткой, гулко отражали любой звук, будь то скрип тележки или тихие шаги санитара. Воздух был пропитан острым запахом карболки и воска для полов. За тяжёлыми дверями с маленькими смотровыми окошками тянулись ряды палат – одинаковых, как бусины в чётках, с высокими потолками и железными кроватями, застеленными серыми одеялами.

А за одной из таких дверей, в комнате, где единственной мебелью были койка да стул, спиной к входу сидел человек. Он был одет в простую холщовую рубаху и неподвижно смотрел на выбеленную стену перед собой. За высоким окном ветер качал молодую листву, птицы выводили свои трели, и весь мир звенел от торжествующей жизни. Но человек не оборачивался. Весь этот буйный, цветущий жаркий май был лишь неясным сном, который давно перестал его волновать.

Говорили, он был богатым человеком, повесой, красавцем, сорил деньгами, не пропускал ни одной юбки и помещался после смерти обожаемой жены. Проходя мимо его

палаты, санитарки то и дело сочувственно цокали языками и судачили о нем – громко и не таясь, ибо бедняга уже давно ни на что не реагировал.

– Говорили, она была первая красавица при дворе, а сама родом из деревни, – говорили санитарки постарше молоденьким. И те завистливо вздыхали:

– Вот счастливая!

Его никто никогда не посещал до самого сегодняшнего дня.

Он также, как всегда, сидел, уставившись в одну точку, но когда скрипнула дверь, то неожиданно произнес:

– Это ты.

В палату вошла очень красивая молодая женщина в белом платье, посмотрела в щель окошка и встала у его койки. Секунду он смотрел в ее лицо, а потом вдруг зарыдал, лихорадочно хватая ее руки:

– Я не могу больше! Я больше не могу, забери меня!

Женщина улыбнулась пустой равнодушной улыбкой:

– Так ты и там никому не нужен.

– Мне все равно! Забери меня! Я не могу!

Он поднял на посетительницу заплаканное бледное лицо, и она медленно кивнула, тонкой рукой указав на дверь.

А дверь была открыта.

***

В палатах окна были узкие, а в коридоре отделения для

тех, кто не очень буйный, довольно большие. Как сказали потом, найдя тело пациента, распростертое на клумбе лицом вниз, под одним из коридорных окон, уборщица, когда мыла полы, отчего-то оставила открытой дверь именно его палаты.

На его похороны никто не явился. Но еще с неделю в Доме Успокоения только и разговору было о самоубийце.

Провинившаяся уборщица, хоть ее не особенно и ругали, пошла в Церковь Святой Анны и заказала за его упокой мессу. Стояла там, вдыхая воск и ладан, и желала его успокоения так искренне, что это наверняка сбылось, и неважно, каким он на самом деле был человеком.

Наверняка сбылось. Наверняка.

1

Однажды ночью молодой Виконт, держа в одной руке свечу, а другой крепко схватив горничную чуть выше локтя, силой втащил ее в бордовую комнату. Стены ее были обиты бордовым шелком, бордовый балдахин накрывал тенью застеленную бордовым огромную кровать.

– Не надо, – попросила горничная.

– Нет, – жарко прошептал он, сминая ее юбку. – Надо.

Плясал огонек свечи на тумбочке. По потолку плясали, как ведьмы на шабаше, тени.

– Не надо... – повторила она чуть громче, и он положил руку ей на рот.

– Надо!

Она зажмурилась, чтобы не видеть силуэты пляшущих ведьм на потолке, и стала считать. *Раз, два, три...*

Покойная бабушка всегда говорила: бороться с сильным – все равно что пытаться сжечь океан. Бесполезно и глупо, потому что какая, в общем, разница, сжигаешь ты океан или лужу – воду не сжечь. Ты потратишь на это все спички, убьешь кучу сил и времени, а вода так и останется безмятежной. *Бесполезно и глупо. Бесполезно и глупо. Бесполезно и...*

Свеча погасла.

– У меня строгая семья, – тихо сказала она, когда все закончилось.

Он дышал где-то справа, совсем рядом. Она медленно повернула голову и повторила:

– У меня строгая семья... Ты на мне женишься?

Наверное, он был еще пьянее, чем она думала, раз ответил сонно и глухо, как кот:

– В пекло все... Да!

Вот так богатый ловелас Виконт женился на молоденькой златокудрой Анне, которая устроилась в его дом всего два месяца назад. О, какая это была свадьба – не меньше сотни из приглашенных леди хотели бы увидеть счастливицу на плахе! *Счастливицу*. Ведь что может быть прекраснее, чем стать женой самого завидного богача в округе?

Конечно, он загулял на третий же день, и жена осталась в доме на манер привезенной из-за моря игрушки или модной собачки. Через месяц после свадьбы эта любовница вскрыла себе вены, узнав, что Виконт уже нашел ей замену, аж из королевского двора. Оказалось, бедняжка ждала ребенка. Повеса даже не явился на ее похороны, а на Анну в траурном платье все смотрели с плохо скрываемым презрением.

У молодой виконтессы были деньги – не то чтобы много, но больше, чем у горничной, были завистники – не то чтобы мало, но меньше, чем у любовницы Виконта. А счастья не было, но у кого оно нынче есть?

Обычно сказки на этом и заканчиваются – и в сущности не так важно, с чего они начались...

Но это у тех, кто боится потерять спички.

***

У Виконта был большой дом с роскошным садом, однако

слово «сад» было слишком скромным и пресным для того великолепия, что раскинулось за южной террасой. Это была целая вселенная, сотворенная по прихоти одного человека, здесь природа была не хозяйкой, а скорее талантливой актрисой, исполняющей роль, написанную для неё гениальным драматургом.

Сразу за домом начиналось царство строгой геометрии. Идеально ровные аллеи, усыпанные светлым гравием, что тихо хрустел под ногами, расчерчивали пространство, словно линейкой. Они вели к сердцу сада – фонтану, где три мраморных грифона извергали в каменную чашу хрустальные струи воды. Вокруг них в замысловатом узоре вились партеры из стриженного самшита, чей пряный, горьковатый аромат густел в неподвижном полуденном воздухе. Внутри этих зелёных кружев, словно драгоценные камни в оправе, алели розы старинных сортов – их тяжёлые, бархатные головки клонились к земле под собственной тяжестью. Среди этого порядка застыли беломраморные статуи нимф и сатиров, казалось, застигнутых врасплох и превращённых в камень посреди весёлой игры.

Но стоило свернуть с центральной аллеи на одну из боковых тропинок, как строгая симметрия уступала место романтической свободе. Здесь начинался так называемый «английский» парк. Тропинки, изгибаясь, терялись в тени вековых лип и платанов, чьи кроны сплетались в высоко-высоко вверх, пропуская лишь дрожащие, беспокойные пятна сол-

нечного света. Воздух становился прохладнее, пахло влажной землёй и прелой листвой. Где-то в глубине журчал ручей, перекатываясь через мшистые валуны, специально привезённые сюда, чтобы создать иллюзию дикого ущелья.

Тропа выводила к небольшому пруду, чья водная гладь казалась тёмным зеркалом, отражавшим и скорбно склонённые ветви плакучих ив, и небо, и белеющую на противоположном берегу ротонду – маленькую круглую беседку с колоннами, похожую на забытое античное святилище. Летом на воде лениво покачивались широкие листья кувшинок, среди которых то тут, то там раскрывались нежно-розовые и белоснежные цветы.

А в самых потаённых уголках сада прятались маленькие секреты: увитая диким виноградом стена старой оранжереи, откуда доносился сладкий запах цитрусовых; потайная скамья в нише, выстриженной в живой изгороди из тиса, – идеальное место для уединения; или старый каменный мостик, перекинутый через ручей, с которого можно было часами наблюдать за суетливой жизнью стрекоз...

Но по ночам все здесь как будто замирало.

Молодая виконтесса выскользнула из дома и почти бегом пересекла сад, подобрав юбки. Она спешила к большому раскидистому дубу, что рос за беседкой, и, добравшись, упала у самых корней на колени, молитвенно сложив ладони:

– Услышь меня. Я не могу больше, услышь меня! Я знаю, что ты слышишь!

Сперва ответом ей был только стрекот ночных цикад, но Анна терпеливо, очень терпеливо ждала, даже крепко зажмурила глаза. И когда медленно их открыла, то облегченно выдохнула. Перед ней стояла красивая женщина с серебряными волосами. Не такая, какой умерла, а такая, какой помнилась Анне.

– Бабушка, – жарко зашептала молодая виконтесса, не расцепляя рук. – Я не могу больше!

– У тебя сейчас есть выбор, – тихо ответила ей бабушка, наклоняясь к ней. – Ты на развилке. Ты можешь оставить, как есть. А можешь отомстить, но тогда в свою прежнюю жизнь уже не вернешься. За месть надо заплатить.

Она подумала и добавила:

– По океану можно плыть, а можно океан сжечь. Но если сжигаешь океан, горит и твой корабль.

– Мечь, – одними губами произнесла Анна, и это слово показалось ей сладким, как первая ягода в году.

– Хорошо, – ответила бабушка и показала на большую впадину меж корней дуба. – Приглядиись, это нора. Если сможешь туда зайти, выйдешь с другой стороны, уже другая. Но помни, что я говорила про цену. Свершишь месть – сверши и что-то доброе. Иначе худо будет.

Анна глотнула побольше воздуха и поползла в нору на четвереньках, путаясь в юбках, обрывая от корни кружева и не обращая на это внимания. Когда она сумела протиснуться внутрь по плечи, у нее сперло дыхание. Она зажму-

рилась и двинулась дальше, задевая локтями стены и пачкая землей рукава.

Вперед и вперед в темноту.

2

Анна вернулась в дом, пока еще не рассвело. Сперва она хотела зайти через дверь, но почувствовала необычайную легкость в ногах, подпрыгнула, зависла в воздухе, облетела дом кругом и прошла прямо через стену в кухню.

Лунный свет просачивался через высокое, без занавесей, окно, ложась на каменные плиты пола вытянутым прямоугольником. Он выхватывал из темноты то тусклое, розоватое сияние начищенного медного бока у ковша, подвешенного на крюке, то холодный блеск ряда ножей, застывших в своей деревянной колоде, словно солдаты на посту.

Темнел в полумраке древним идиолом чугунный левиафан плиты. На исполинском дубовом столе, исцарапанном и выскобленном добела за долгие годы службы, остался прикрытый льняной салфеткой каравай хлеба. У массивной каменной раковины замер, изогнув свою чугунную шею, ручной насос для воды, с его рукояти свисала одинокая, готовая сорваться капля.

Анна с веселой улыбкой огляделась и решительно взяла большой мясницкий нож.

Потом она оттолкнулась от пола, пролетела сквозь потолок на третий этаж и очутилась в спальне.

Ей не хотелось медлить, не хотелось будить мирно спящего Виконта и что-то ему объяснять.

Она молча приблизилась к его постели, занесла нож над головой и с размаху всадила в одеяло.

Виконт взвыл от боли, мгновенно проснувшись, и в ужасе уставился на нее.

Анна улыбнулась, вытащила нож и всадила еще раз. По одеялу расплывалось бордовое пятно.

Она удовлетворенно кивнула, уронила нож на пол, помачала мужу рукой и исчезла.

На крики Виконта сбежался весь дом. Немедленно вызвали доктора, который, сделав все возможное, вынес неутешительный вердикт, старательно отводя глаза:

– Жить-то будет, но... Боюсь, с женщинами больше того... не сможет. Обезболивающее-то я дам, но...

Когда перепуганный дворецкий в ночной рубашке пытался допытаться, кто это сделал, Виконт простонал:

– Анна... Где эта тварь, черт бы ее побрал? Ее нужно повесить, ее...

Слуги изумленно переглянулись, и экономка решилась ответить:

– Но, ваша милость... Ваша жена умерла.

– Что?.. – выдохнул Виконт, и управляющий поправил очки:

– Вы просто в шоке, ваша милость, мы понимаем... Она умерла еще неделю назад, мы все были на похоронах. Ее отпели...

– Заснула и не проснулась, – прибавила экономка.

– Нет, – прошептал Виконт и сорвался на крик, попытавшись сесть. – Нет, черт возьми! Это была она! Она не умирала! Она только вчера несла какую-то чушь про розы за завтраком! Скажите же вы!

– Это было неделю назад, – вежливо поправил дворецкий. – Отдыхайте, ваша милость...

– Но...

– Она умерла, ваша милость. Она умерла.

***

Она, действительно, умерла, и в подтверждение этого Виконта отводили на кладбище. Но даже увидев ее имя на могильном камне, он не поверил. Он не помнил ее смерти, не помнил похорон, хотя все утверждали, что он говорил над ее гробом какую-то речь и очень горевал.

Виконт не поленился лично съездить в отчий дом жены, но и родители Анны – суровый отец и тоненькая робкая мать, которых не звали на свадьбу, – покачали головой: они приезжали хоронить дочь, и мать лично готовила к погребению тело.

Конечно, расследование проводили лучшие детективы, но у всех слуг в доме нашлось алиби: большинство людей спали, но одна горничная и молодой лакей были пойманы с поличным вдвоем в чулане управляющим, который обладал очень чутким слухом. Он отчитывал их, грозясь уволить, в коридоре первого этажа, у лестницы, и если бы кто-

то из слуг пошел наверх, они бы это увидели. Кухарка же была уверена, что нож оставляла в подставке с вечера. Да и когда бы преступник успел сбежать, если все сразу пришли наверх, разбуженные криками?

Слух о том, что кто-то среди ночи пробрался в дом Виконта и воткнул в него кухонный нож, лишив возможности дальше вступать не только в брак, но и в связи, в свете вызвала смешки. Какая злая ирония судьбы! Первый бабник, первый повеса – и такой удар!

– Наверняка это была ревнивая женщина, – за глаза говорила его последняя любовница одной подружке. Та хихикала:

– Вот же остроумная!

Хоть раны и зажили, репутация Виконта была бесповоротно испорчена. Женщины больше не смотрели на него – разве что с затаенной насмешкой. Он запил, стал играть на деньги и все говорил друзьям, что хитрая Анна на самом деле жива, и что он ей еще отомстит.

С той поры жизнь его пошла под откос. Не прошло и года, как слуги один за другим ушли, а дом с роскошным садом ушел с молотка.

Едва ли кто-то мог узнать красавца и повесу Виконта в нищем, что сидел день за днем на паперти у местной церквушки, завернувшись в какое-то тряпье. Редкие прохожие бросали ему жалкие гроши и даже не смотрели в лицо.

И вот однажды какая-то незнакомая женщина в рос-

кошном черном платье не прошла мимо, а остановилась и негромко произнесла:

– Ты уже готов искупить свои грехи?

Виконт вскинул голову и прошипел:

– Грехи?! Перед кем? Я страдаю так, как не страдал ни один человек! Как ты сме...

И вдруг что-то в ее лице ему показалось знакомым. Он ее точно где-то видел, но вот где?

– Как жаль, – вздохнула она. – Ну страдай дальше.

И уронила у его ноги большую золотую монету с буквой «А».

Виконт подобрал ее и хотел, было, окликнуть незнакомку, но та уже исчезла. Это была Анна.

***

С той поры Виконт совсем помешался. Он бродил по улицам и хватал прохожих за рукава, спрашивая, не видал ли кто его Анну, ту Анну, что не умерла, ту Анну, что сломала ему жизнь. Так он и попал в Дом Успокоения.

Анна каждый день приходила в мир живых, и каждый раз принимала облик новой женщины. Ни у одной из них не было ее чудесных золотых кудрей. И каждая была непохожа на предыдущую: то Анна становилась веснушчатой девчушкой-крестьянкой, то темноволосой богатой светской дамой средних лет, то шатенкой-купчихой. Она заглядывала в дома без сожалений, но с любопытством лесного зверька, читала людские жизни, как аристократки читали романы.

И вот однажды, будучи в теле горожанки, Анна услышала, как лавочница жаловалась соседке:

– Уж пятый год дочка за ним замужем, а детей нет! Пятый год! Уж и свекровь недоброе про нее говорит. Семья ведь небедная, еле сосватали... Да и то понятно: грех какой, целых пять лет...

Анна вспомнила бабушкин навет про плату и неожиданно встряла:

– Я могу помочь.

Кумушки недоверчиво переглянулись, и лавочница уточнила:

– А ты что, целительница?

Анна улыбнулась:

– Да.

Со скрипом, но лавочница согласилась познакомить

странную девушку со своей дочерью. Целительница попросила оставить их одних, около часа негромко о чем-то беседовала с ней, а потом объявила:

– Через семь дней понесешь. Будет мальчик, здоровый и крепкий.

А потом пропала, но через неделю, уже в обличии старушки с корзиной яблок, услышала, как лавочница в красках расписывает сразу нескольким подругам, что лекарь все подтвердил, что семья зятя не нарадуется и так далее.

– Жаль, не видно эту девчушку, – посетовала она. – Я бы хотела ее отблагодарить.

– А как ее зовут? – спросила одна из подруг, и лавочница растерялась:

– А я не и спросила...

Анне не нужны были деньги, но она задумала благое дело. Потому на следующий день она как будто случайно прошла мимо лавки той женщины и приняла от нее небольшой туго набитый кошелек.

– Тут, конечно, немного... – извиняющимся тоном отметила лавочница. – Но мы скопили честным трудом. Скажите свое имя.

– Зовите меня Целительницей, – попросила Анна. – И скажите знакомым, что я могу помочь и другим. Но только тем, у кого искреннее желание и чистые помыслы. А благодарность приму любую, на какую у кого хватит средств.

Она целый год лечила самые разные недуги – и телесные,

и сердечные, и у женщин, и у мужчин. У нее было лишь два условия: искреннее желание просящего и бескорыстность намерения. Она могла избавить от хвори или бесплодия, боли или бессонницы, но не делала приворотов и не насылала болезней.

Иногда она творила и не в образе Целительницы, а в каком-то другом, и постепенно по округе поползли слухи, что у них поселилась фея, которая творит чудеса, а забавы ради меняет обличье. Люди стали внимательно приглядываться к незнакомкам любого возраста и проявлять к каждой почтение: мало ли, это та самая волшебница?

Лавочница упрашивала ее стать крестной матерью ее внука, но Целительница отказала.

Ей платили щедро, кто сколько мог, и год спустя, ровно в тот день, когда она впервые встретила лавочницу, Анна наняла рабочих для постройки храма. Его построили всего за полгода, и сама создательница дала ей название – Церковь Святой Анны. Ее спросил кто-то, в честь какой именно святой, и Целительница улыбнулась:

– В честь той, что сожгла океан.

– Разве можно сжечь океан?

– Конечно, если он нарисован на деревяшке.

А когда церковь освятили, таинственная фея навсегда исчезла, по крайней мере, ее больше никто не видел.

Но, говорят, если зайти в этот храм и загадать желание, переступая порог, оно непременно исполнится. Только про-

сить надо искренне, не эгоистично, и важно, чтоб сердце и помыслы твои были чисты. На входе даже установлена табличка: «Здесь за добро получают добро, а за зло получают зло».

Вот в эту самую церковь и явилась провинившаяся уборщица из Дома Успокоения.

В церкви было жарко. По ее круглому румянному личику струились пот и слезы, она стиснула пухлые пальчики так крепко, что костяшки побелели.

Она так страстно молилась за упокой несчастного безымянного пациента, так плакала по нем, даже не зная его имени, так просила простить все его грехи, если были таковые, что наблюдавшая с соседней скамьи красивая молодая женщина в белом платье и с золотыми волосами произнесла одними губами:

– Сбудется.

А май в тот год выдался жарким и душным.

КРЫСА

– А что это за история с крысами?
Альбер Камю «Чума»

1

– Не пытайся это есть, – посоветовал Джек и еле заметно покачал головой.

Бетти покосилась на мальчика и потыкала вилкой куриную ножку странного синеватого оттенка.

– А она и должна быть такого цвета? – шепотом уточнила она.

– Чтобы понять желательный цвет, надо узнать, что это.

– А разве это не курица?

– Может, в лучшие времена оно и было курицей. Но сейчас лучше не думать, что это.

Девочка слегка отодвинула тарелку от себя. Есть ей сразу расхотелось.

– У мисс Ти масса талантов, – тихо прибавил Джек. – Но кулинарные способности не из их числа. Мама давно ворчит, что возьмет другую кухарку, но ни одна кухарка не станет выполнять еще и обязанности горничной за такую зарплату.

– Может, скормить это коту? – предложила Бетти, заметив на окне серую кошку.

– Это Лаки. Но только она не дура. Она такую гадость в рот не возьмет.

Девочка подцепила куриную ножку кончиком вилки и шагнула было к Лаки, но та легко спрыгнула с подоконника и уселась на ковер, обернув хвост вокруг лап.

– Дай я! – предложил Джек, взял ножку голыми пальцами и подошел к Лаки. Кошка настороженно пошевелила усами. Мальчик поднес ножку к самой ее морде. Лаки отшатнулась. Джек ухмыльнулся и сунул ей ножку снова. Кошка взвизгнула и попыталась убежать, но мальчишка загнал ее в угол комнаты. Поняв, что путей к отступлению нет, Лаки выгнула спину дугой и зашипела.

– А я что говорил? – сказал Джек Бетти. – Даже кошки это не едят.

Бетти в ужасе округлила глаза.

– Раз уж тебя привезли к нам, привыкай, – посоветовал мальчишка. – Я тебя научу воровать сладкое из кухни... Вот, гляди, я украл кусок пирога. На, бери, я не голодный. Только не кроши: тут у нас крысы...

– Крысы?

– Ага. Такие большущие, серые, противные. Их Лаки даже боится.

– Да ну?

– Ага. Вон, видишь? – мальчик кивнул на дыру в полу. –

Это их работа. Папа купил какие-то очень дорогие крысоловки, но даже они не помогают. А крыс папа терпеть не может.

– А-а.

– А твой папа боялся крыс?

Бетти пожала плечами.

– Наверно, нет.

– Как так?

– У нас их не было. Ни одной.

– А так разве бывает?

– А почему бы и нет? У нас и кошек не было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.